

С

На правах рукописи

ТЕПЛОУХОВА ОЛЬГА ВЯЧЕСЛАВОВНА

**ЭКСПЕРТНЫЕ СУЖДЕНИЯ О РИСКЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ
АЛКОГОЛЯ, ТАБАКА И НАРКОТИКОВ В КОНТЕКСТЕ
ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА**

Специальность: 22.00.04 - «Социальная структура,
социальные институты и процессы»

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

Владивосток - 2005

Диссертация выполнена на кафедре общей и социальной психологии Института психологии и социальных наук в Дальневосточном государственном университете.

Научный руководитель

доктор философских наук,
доцент Щитов Н.Г.

Официальные оппоненты:

доктор юридических наук,
профессор Гишинский Я.И.,
кандидат философских наук,
доцент Ковтун Г.С.

Ведущая-организация:

Морской государственный универси-
тет им. Г.И. Невельского

Защита состоится 23 декабря 2005 г. в 10⁰⁰ часов на заседании диссертационного совета К212.055.02 при Дальневосточном государственном техническом университете (ДВПИ имени В.В. Куйбышева) по адресу: 690950, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 10, ауд. А-302.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Дальневосточного государственного технического университета (ДВПИ имени В.В. Куйбышева).

Автореферат разослан «22» ноября 2005 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета,
кандидат исторических наук, доцент

Т.Н. Сверкунова

2007-4

2341776

3

581

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Внимание к вопросам неопределенности, риска и безопасности по праву называют отличительной чертой нашего времени, свойственной современным постиндустриальным обществам. В полной мере она характерна и для современного российского общества, которое часто обозначается отечественными исследователями как общество всеобщего риска.

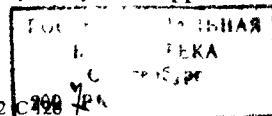
Одним из объектов повышенного беспокойства социальных исследователей и политиков, в той же мере, что и населения, является современная российская социально-демографическая ситуация. Процесс сокращения естественного прироста населения в России начался еще в 60-х гг. со снижения уровня рождаемости. Постепенно снижение рождаемости дополнилось увеличением смертности, которое, начиная с 1993 г., стало ведущим фактором общего процесса обезлюдения страны.¹ Важнейшей чертой, характеризующей общую тенденцию динамики смертности населения России сегодня, является сверхсмертность людей трудоспособного возраста, около 80% которых составляют мужчины.² Социально обусловленные и *предотвратимые* причины вызывают в настоящее время *каждую седьмую смерть* в нашей стране.

Особую тревогу вызывает низкий уровень здоровья населения в целом, который сочетается с неуклонным сокращением продолжительности здоровой жизни и ожидаемой продолжительности жизни при рождении. Так, если в 1990 г. ожидаемая продолжительность жизни для всего населения составляла 69,2 года, то в 2002 г. она снизилась до 65,3 лет.

Масштаб негативных явлений в демографической и социальной сфере, их разрушающее влияние на трудовой потенциал страны позволяют характеризовать современную российскую социально-демографическую ситуацию как кризисную, требующую для своего разрешения не только значительных средств, но и корректировки приоритетов социально-экономического развития.

Важнейшие направления государственной политики, реализуемые в настоящее время в стране, сформулированы в Концепции национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной в 1997 г. Цель реализации Концепции состоит в сохранении трудового потенциала страны и улучшении демографической ситуации за счет снижения преждевременной и предотвратимой смертности, уменьшении заболеваемости, увеличении средней продолжительности жизни.

Применив категорию «риск», мы можем следующим образом обозначить цели государственной политики в этой сфере. Единая государственная политика в рамках обеспечения комплекса мер безопасности направлена на снижение существующего для личности, общества и государства общего уровня опасности (уровня риска) за счет выявления основных источников опасности (факторов риска) и уменьшения (минимизации) наносимого ими ущерба путем корректирующего воздействия на них.

¹ Российский статистический ежегодник, 2002 статистический сборник М., 2002

² Смертность в России: главные группы риска и приоритеты действия Сборник научных докладов М., 1997

В рамках данной работы мы предлагаем трактовать риск как количественную меру потенциала опасности некоторого неблагоприятного события, рассчитываемую как произведение возможности (вероятности) наступления неблагоприятного исхода данного события и величины его ущерба. В качестве унифицированного критерия определения величины ущерба нами будут использованы показатели популяционных потерь здоровья и жизни, наступивших вследствие действия фактора риска.

В таком значении термин «риск» соответствует статистическому (техническому) подходу к оценке различных типов опасности. Именно этот подход является основой разработки практических программ и мероприятий, направленных на управление риском, поскольку он позволяет сопоставить большое число переменных факторов существующей для населения опасности и выделить те из них, которые вносят наибольший вклад в ее общий уровень. Основопологающим условием эффективности действий по обеспечению безопасности является такое распределение ограниченных государственных и общественных ресурсов на разработку и реализацию соответствующих мероприятий, при котором большая их часть будет сконцентрирована на минимизации влияния событий/видов деятельности, сопряженных с наибольшим популяционным риском.

Оценка риска различных факторов, предвещающая их ранжирование по степени опасности, является отправной точкой для любых практических решений о риске. Адекватная оценка риска экспертами приобретает ключевое значение для обеспечения безопасности населения страны. В качестве одного из основных источников риска в настоящее время эксперты называют рост потребления различными группами населения РФ алкоголя и наркотических веществ, представляющего в настоящее время реальную угрозу физическому здоровью нации.

Суть проблемы, рассматриваемой в настоящем диссертационном исследовании, заключается в несоответствии между уровнем риска, связанным с потреблением алкоголя, табака и наркотиков в современном российском обществе с одной стороны, и осознанием этого риска ведущими российскими социальными институтами и профессиональным сообществом, с другой.

Степень научной разработанности проблемы. Началом формирования социологической теории риска следует считать конец 60-х – начало 70-х гг. XX столетия. В это время в США и, позже, в Европе появляются многочисленные исследования, посвященные различным аспектам проблемы технологического риска.

Социально-философское осмысление риска на макроуровне, связанное с анализом универсальных последствий научно-технического прогресса для социальных институтов и с общим анализом риска как социального явления, осуществлялось У.Беком, Э.Гидденсом, Н.Луманом, К.Лау.

Начиная с 1970-х гг. в американской социологии активно изучается проблема восприятия и оценивания риска различными категориями населения и экспертами, а также особенности риск-коммуникации в зависимости от ряда качественных характеристик воспринимаемой опасности и ситуации оценки – то есть от контекстуальных характеристик риска. В рамках данной традиции веду-

щими исследователями считаются представители «психометрической школы»: С.Лихтенштейн, П.Словик, Б.Фишхофф, Л.Шоберг, М.Лэйман, Б.Кумбс, А.Тверски, Д.Канеман.

Более теоретически ориентированные исследования, подчеркнувшие значение процесса социального конструирования интерпретации риска и его отношение к различным способам получения знаний о факторах опасности, к социальным интересам и культурным ценностям принадлежат Дж.Брадбери, Т.Дайц, П.Стерн, В.Отвэй.

Влияние социальных и организационных факторов на оценку риска исследовалось также Л.Кларк, Л.Гоулд, Дж.Шорт. Примыкающие к ним работы Дж.Флинн, Р.Хит, Дж.Грахам, Р.Перхак, Э.Воган, М.Сейферт и других направлены на анализ различий в восприятии риска в зависимости от разнообразных демографических характеристик воспринимающего субъекта, его профессиональной принадлежности и социального статуса. Эти социологические исследования были полезны для понимания множества возможных интерпретаций риска среди разных групп населения, однако в большинстве случаев они носят довольно фрагментарный характер. Связность и последовательность это достоинства культурной теории риска, разработанной М.Дуглас, А.Вилдавски, К.Дейком, и получившей развитие в работах И.Ковелло, Д.Фишера, С.Райнера, М.Томпсона.

Закономерности социального существования риска раскрываются также в работах таких авторов как Дж.Касперсон и Р.Касперсон, О.Ренн, П.Словик, В.Бернс, Ш.Джасанофф.

Логика экспертных оценок в ситуации неопределенности изучалась на примере анализа конкретных случаев следующими исследователями: Ф.Беллет, А.Баркер, К.Миронеско, П.Званенберг, Э.Миллстоун, Т.Гарвин.

Своеобразной институционализацией теории риска можно считать создание в 80-х гг. XX в. Международного общества анализа риска (ISRA), а также американского (SRA) и европейского (SRA Europe) рискологических обществ, в работе которых социологические аспекты риска заняли одно из важных мест. Аналогичным образом в России действует Московское общество анализа риска, исследующее теоретические и практические вопросы риска в экономике, в юридических науках, в политологии, в целом ряде естественных и технических наук, в социологии.

Последние два десятилетия отмечены выпуском многих национальных рискологических журналов (особенно в США), в которых рассматриваются и социологические проблемы риска, а также Международного журнала по анализу риска «Risk Analysis. An International Journal». С конца 1990-х гг. в России также издаются журналы о риске («Вопросы анализа риска», «Управление риском»).

Научные разработки отечественных авторов в области исследования социальных аспектов риска отличаются практической управленческой направленностью, в рамках которой социологические исследования риска выступают элементом научного обеспечения разработки эффективных управленческих решений. Среди ведущих отечественных авторов в этой сфере - А.В. Мозговая, Б.Н.Порфирьев, А.А.Быков.

Значительная часть социологов в России изучает проявления риска в отдельных областях функционирования общества. Конкретные риски чрезвычайных ситуаций являются предметом изучения М.Б.Дарховской, А.К.Микеева, Е.В.Шлыковой. Исследователей этого профиля объединяет работа в рамках секции социологии риска и катастроф Института Социологии РАН.

В отечественной литературе социологический подход к исследованию социальных детерминант рассогласования между масштабами реагирования социальных институтов на практики потребления алкоголя, табака и наркотиков в обществе и величиной популяционных потерь, сопряженных с ними, связан с работами Я.И.Гилянского, а также специалистов Санкт-Петербургского Центра девиантологии и социального контроля Л.Е.Кесельмана и М.Г.Мапкевич.

Объект исследования - риск, сопряженный с потреблением алкоголя, табака, наркотиков. **Предмет исследования** – мнение экспертов о риске, сопряженном с потреблением этих психоактивных веществ.

Цель диссертационного исследования состоит в выявлении механизмов экспертной оценки риска алкоголя, табака и наркотиков, а также в определении факторов, влияющих на оценку риска. Для достижения поставленной цели были поставлены следующие задачи.

Задачи диссертационного исследования:

1. Определить сущность различных стандартов мышления о риске и безопасности и их роль в процессе определения «сознания риска» в обществе.
2. Провести анализ рисков потребления алкоголя, табака и наркотиков в России.
3. Раскрыть существующий в России паттерн восприятия опасности и риска экспертами
4. Обосновать применимость методологии социального конструктивизма для анализа социальных представлений о риске.
5. Определить и систематизировать теоретические подходы к объяснению возникновения социальных проблем и признаваемых рисков в обществе
6. Установить социальные факторы, повлиявшие на возникновение социальной проблемы потребления психоактивных веществ в России.
7. Выявить механизм оценки экспертами риска потребления алкоголя, табака и наркотиков в эмпирическом исследовании экспертных оценок на выборке представителей различных социальных институтов г. Владивостока.

Теоретические основания исследования сформированы системным подходом, опирающимся на положения ряда фундаментальных социологических и антропологических теорий, а также психологических концепций.

Теоретический фундамент настоящего исследования составляют: положения структурного функционализма и неофункционализма о механизмах влияния социальных отклонений на нормальное протекание общественных процессов (Э.Дюркгейм, Дж.Г.Мид, К.Эриксон, Л.Козер, Т.Зез); положение теории конфликта о механизмах управления содержанием культурных форм как технике контроля над безвластными слоями общества и средстве поддержания господства доминирующих групп (К.Маркс, А.Грамши, А.Лиазос, Р.Квинни, С.Спитцер, Э.Шур, А.Лиска, О.Турк, В.Чемблисс, П.Сейдман, Б.Эхренрейх, и

Дж.Эхренрейх); положение культурной теории риска о культурных типах и о функциях «судебной модели риска» (М.Дуглас, А.Вилдавски, К.Дэйк); положение психологии восприятия риска о различных стандартах мышления о риске, а также положение психологического подхода социальной репрезентации о качественных характеристиках события, предопределяющих оценку ассоциированного с ним уровня риска (П.Словик, Б.Фишхофф, С.Лихтенштейн, Д.Канеман, А.Тверски, Т.Гарвин, Б.Кримски, Ф.Плау, У.Фреуденбург, Е.Воган, М.Сейферт, Б.Джонсон, Р.Лидског); положение теории общества риска о роли экспертного знания в современном обществе (У.Бск); о механизмах структурирования экспертами системы значений социальной реальности, предвещающего определение социальных проблем (Дж.Гасфилд, С.Холл); положение конструктивистской теории социальных проблем о социально-сконструированной и политически-детерминированной природе социальных проблем и официально признаваемых рисков и о социальных механизмах их возникновения (М.Спектор, Дж.Китсыюз, А.Мосс, Дж.Хьюитт, П.Холл, Т.Дайтц, П.Стерн, Р.Рикрофт, С.Хилгартнер, К.Боск, О.Ренн, У.Бернс, Дж.Касперсон); положение символического интеракционизма о роли процессов интерпретации и символизации в конструировании значений и смыслов объектов окружающего мира (У.Томас, Ф.Знаецкий, Г.Мид, Г.Блумер); положение социологии культуры о символическом капитале, используемом профессиональными группами в процессе борьбы за монополию легитимной номинации или власть навязывать легитимное видение социального мира (Б.Бурдьё); положение постструктурализма о связи форм знания и техник власти, стратегиях власти и формировании дискурсивных практик (М.Фуко); положение феноменологии о социальных процессах легитимации социального устройства как ведущем механизме конструирования социальной реальности (П.Бергер, Т.Лукман); положение статусной теории девиации о влиянии динамики соотношения статусов различных социальных групп в обществе на возникновение социального конфликта и появление разнообразных культурных средств социального контроля (Дж.Гасфилд); положение теории моральных паник о логике развития краткосрочных периодов интенсивной социальной реакции на предполагаемые неблагоприятные социальные обстоятельства (С.Коэн, Н.Бен-Йегуда, Э.Гуд).

Также мы опираемся на выводы частных социологических исследований, направленных на анализ социального значения общественной акцентуации проблем потребления определенных психоактивных веществ в разные периоды времени в разных обществах (М.Пейрот, К.Беккет, П.Паолуччи, У.МакОлифф, Г.Левин, А.Линдесмит, П.Коэн, Х.Беккер, Д.Диксон, Е.Дженсен, Дж.Гербер, Б.Бенсон, Д.Расмуссен, У.Скоган, А.Лурилжио, К.Лидз, А.Уолкер).

Методологическую основу исследования составили положения контекстуального (умеренного) конструктивизма и принципы и методы функционального анализа.

Согласно методологическим допущениям умеренного (контекстуального) конструктивизма в социологии знания, всякий элемент знания обладает релятивистским (относительным) статусом в отношении к независимо существующему миру, который, однако, может быть познан только посредством другого знания.

Такой подход, примененный в настоящем исследовании, позволяет использовать логический принцип научной парадигмы для оценки относительной достоверности суждений о риске. В этом случае для оценки надежности суждений используется соотнесение с некоторыми логическими и статистическими выводами, которые признаются наиболее достоверными и последовательными. Такие стандарты создают эталон, без которых невозможна никакая система представлений и действий.

Особенностью подхода контекстуального конструктивизма, отличающей его от подхода строгого конструктивизма, является сосредоточенность исследовательского интереса на анализе целого контекста взаимодействия, или сети взаимоотношений, в которых обнаруживает себя дефиниционная активность по отношению к некоторым социальным обстоятельствам.

В силу того, что экспертные суждения о риске и опасности потребления рассматриваемых психоактивных веществ проявляют себя в стандартизированных, устойчивых социальных формах, мы применяем в качестве инструмента социологического исследования этого явления принципы и методы функционального анализа.

Информационную базу диссертации составили данные статистических сборников МВД РФ «Преступность и правонарушения», статистические материалы Госкомстата РФ, публикуемые в форме ежегодных сборников «Здоровье населения России и деятельность учреждений здравоохранения», материалы бюллетеня «Население и общество» в электронном издании «Демоскоп Weekly», а также материалы, распространяемые в виде статистических форм в специализированных учреждениях здравоохранения. Кроме того, нами использовались данные отечественных региональных и общероссийских исследований распространенности социально-медицинских последствий потребления алкоголя, табака и наркотиков в России, и массив построенных с применением метода массовых опросов исследований динамики социокультурных идентификаций в российском обществе. Были использованы также данные социологического исследования, проведенного соискателем в области экспертного суждения о риске потребления психоактивных веществ в 2004-2005 гг. на выборке представителей социальных институтов, действующих в сфере противодействия этой социальной проблеме.

Научная новизна диссертационного исследования определяется следующим:

- впервые в отечественной литературе представлен всесторонний концептуально-теоретический анализ проблемы оценки экспертами риска, связанного с потреблением алкоголя, табака и наркотиков;
- применен авторский подход к исследованию представлений о риске потребления алкоголя, табака и наркотиков, основой которого является анализ социальных процессов в обществе;
- впервые систематизированы концепции развития социальных проблем потребления психоактивных веществ, представленные западными исследователями;

- разработана и предложена социологическая интегративная модель экспертного суждения о риске и опасности на примере суждения о риске алкоголя, табака и наркотиков;

- на основе эмпирического анализа выявлен механизм осуществляемого экспертами суждения о риске потребления алкоголя, табака и наркотиков.

Названные элементы научной новизны позволяют сформулировать следующие **положения, выносимые на защиту**:

1. Методологический подход контекстуального конструктивизма к анализу социальной проблемы потребления психоактивных веществ.

2. Теоретическая модель оценки риска разнообразных представленных в общественной жизни факторов и источников опасности на основе комплексного теоретического анализа современных подходов к исследованию данной проблемы.

3. Эмпирическая модель исследования механизмов оценки риска на примере проведенного исследования оценки экспертами риска потребления алкоголя, табака и наркотиков.

4. Комплексная методика исследования восприятия экспертами риска потребления психоактивных веществ, включающая метод анализа статистических данных, метод определения приемлемости риска, метод анализа документов, метод опроса представителей.

Достоверность и научная обоснованность результатов обеспечиваются комплексной теоретико-методологической основой исследования, применением адекватных методов сбора, обработки и интерпретации информации, обсуждением научных результатов на научных конференциях.

Теоретическая значимость диссертационной работы заключается в том, что в ней разработана концептуальная модель суждения об опасности и риске на примере суждения экспертов о риске потребления алкоголя, табака и наркотиков. Раскрыт механизм экспертной оценки риска потребления алкоголя, табака и наркотиков и показаны ведущие факторы оценки риска. Обоснована применимость подхода контекстуального конструктивизма к анализу социальной проблемы потребления алкоголя, табака и наркотиков в современном российском обществе. Выявлено наличие влияния культурной принадлежности эксперта на осуществляемую им оценку риска потребления алкоголя, табака и наркотиков. Показано значение общественной озабоченности потреблением наркотиков, манифестируемой экспертными оценками риска, для процесса динамического самоопределения российского общества и для институциональной интеграции общественной структуры. Разработан инструментарий для проверки культурной теории риска на примере оценки экспертами риска потребления алкоголя, табака и наркотиков.

Практическая значимость результатов исследования. Основные выводы диссертации могут быть полезны при разработке практических программ преодоления социальной проблемы потребления и злоупотребления психоактивными веществами населением.

Разработанная в диссертационной работе концептуальная модель экспертного суждения о риске и опасности на примере суждения о риске потребления

алкоголя, табака и наркотиков может служить отправным пунктом для проведения дальнейших научных исследований в области социологии экспертной деятельности. Кроме того, отдельные теоретические результаты, а именно, комплексный анализ теорий и концепций развития социальных проблем потребления психоактивных веществ, разработанных западными исследователями, является определенным вкладом в общую теорию социологии и социологии девиантного поведения. Инструментарий и концептуальная модель эмпирического исследования, представленные в работе, могут быть использованы в дальнейших прикладных социологических исследованиях экспертных суждений о риске различных факторов. Апробированное в диссертационной работе эмпирическое применение методологии социального конструктивизма может быть эффективно использовано в дальнейших научных исследованиях в области изучения социальных проблем. Эмпирическое применение данной методологии дает возможность проектирования новых эмпирических исследований в социологии и повышает научную значимость полученных результатов.

Отдельные положения диссертационной работы могут быть использованы в учебном процессе при подготовке специалистов по специальности «Психология», «Социальная работа», «Социология».

Апробация основных результатов исследования. Основные выводы и положения настоящего диссертационного исследования докладывались и обсуждались на международных и региональных конференциях: Межвузовской научно-практической конференции «Современное общество: запреты и вседозволенность» в г. Санкт-Петербурге (ноябрь, 2002 г.), Международной научно-практической конференции «Современные аспекты терапии и профилактики нервно-психических расстройств» в г. Владивостоке (сентябрь, 2002 г.). Научной конференции студентов и аспирантов ДВГУ в г. Владивостоке (апрель, 2003 г.), Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы экспериментальной, профилактической и клинической медицины» в г. Владивостоке (апрель, 2004 г.), Четвертой международной научно-практической конференции «Перспективы высшего образования в малых городах» в г. Находке (ноябрь, 2002 г.). Материалы диссертационного исследования использованы при разработке и в преподавании курса «Социология» в ДВГУ в 2004-2005 гг. По результатам работы соискателем опубликовано 9 статей и тезисов выступлений.

Структура и объем работы. Работа состоит из введения, трех глав основной части, состоящих из девяти параграфов, заключения, библиографического списка использованной литературы и четырех приложений. Объем диссертации составляет 203 страницы. Библиографический список включает 239 наименование работ.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** раскрывается актуальность изучаемой проблемы и степень ее научной разработанности, определяется объект, предмет, теоретико-методологические основания, формулируются цели и задачи исследования, определяются научная новизна и практическая значимость, указываются формы и характер апробации работы, выделяются положения, выносимые на защиту.

В первой главе – «Риск как предмет оценки и инструментальная категория» – вводится концепция риска и раскрывается ее значение для социальных институтов современных обществ. Также в главе производится анализ величины риска потребления алкоголя, табака и наркотиков в российском обществе и раскрываются параметры соответствующего общественного «сознания риска».

В первом параграфе «Аналитические парадигмы суждения о риске» анализируются различные стандарты мышления о риске и безопасности. указываются их основные характеристики, определяются влияющие на них ключевые факторы и анализируется содержание соответствующих им понятий.

Традиция различения стандартов мышления о риске, свойственных «публике» с одной стороны и «экспертам» - с другой, насчитывает более 30 лет научных изысканий в области психологии, социологии и антропологии. Проведенные исследования позволили выделить в качестве базовой черты мышления о риске в рамках научной аналитической парадигмы, предположительно отличающей его от популярного и политического мышления, независимость от контекста и нацеленность на анализ количественных характеристик факторов опасности, а именно их статистической вероятности и величины возможного ущерба.

В противоположность этому мышление о риске в рамках социальной аналитической парадигмы (т.н. «обыденное» мышление о риске) предполагает включение в риск-анализ внешних по отношению к самому анализируемому событию характеристик. К их числу могут быть отнесены прошлый опыт индивида, наличная политическая обстановка, совокупность культурных и социальных ценностей, формирующие «точку отсчета» для анализа приемлемости уровня актуального риска. а также целый ряд качественных характеристик, влияние которых на оценку риска исследовалось в рамках психологического подхода социальной репрезентации.

Во втором параграфе первой главы – «Роль экспертного знания в современном обществе риска» – рассматривается эволюция представлений о роли экспертного знания в обществе и о сущности социальной экспертизы.

Хронологически более ранняя концепция «рационального деятеля» обосновывала традиционный авторитет и преимущественное положение экспертного сообщества в процессе идентификации опасностей и рисков и обнаружения социальных проблем. Более современный подход теории общества риска переместился на позиции критического переосмысления предполагаемой непредвзятости и объективности экспертного суждения об источниках наибольшего риска в обществе. В рамках этой теории экспертное знание предстало как обусловленное массивом теоретического знания, с одной стороны, и множеством политических мотивов различных социальных институтов, с другой.

В третьем параграфе первой главы – «Сопоставление риска потребления алкоголя, табака и наркотиков в России» - проводится сопоставительный анализ рисков потребления алкоголя, табака и наркотиков в современном российском обществе в соответствии с принципами научной аналитической парадигмы суждения о риске.

Исследование медико-социальных последствий потребления алкоголя, табака и наркотиков по унифицированной системе, лежащей в основе научно-

обоснованного представления о риске, показало, что как фактор смертности в России в настоящее время потребление наркотиков значительно уступает потреблению алкоголя и табака.

Потребление алкоголя населением сопряжено со смертностью от нескольких классов причин, среди которых отравления алкоголем, убийства, самоубийства, смертность от сердечно-сосудистых заболеваний. Отравления алкоголем ежегодно уносят 30-35 тыс. человеческих жизней.¹ Самоубийства, находящиеся на уровне свыше 55 тыс. человек погибшими ежегодно, более чем а 60% совершаются в состоянии алкогольного опьянения. Смертность от убийств насчитывает ежегодно более 37 тыс. человек, и на 65-70% ее составляют убийства, совершенные в состоянии алкогольного опьянения. Исследователи утверждают, что экстремально высокая смертность населения России от болезней системы кровообращения*, в значительной мере обусловлена особенностями алкогольной ситуации в стране.²

Хотя табакокурение как отдельный вид потребления психоактивных веществ не подвергается специальному учету в нашей стране, ряд исследований доказывает наличие связи курения с риском смерти от основных социально значимых заболеваний, включая риск смерти от новообразований – третьей по значимости причины смерти в России.³ Известно, что ежегодное потребление табака обуславливает примерно 55 тыс. смертей от рака легкого⁴.

Несмотря на то, что по видам смертности, обусловленной потреблением наркотиков, отсутствуют последовательные и сопоставимые данные, анализ причин смерти среди «внутривенных» наркоманов показывает, что риск, сопряженный с потреблением наркотиков, сводится, прежде всего, к вероятности смерти от травм и отравлений и сопряжен с минимальной органной патологией.⁵ Согласно статистическим данным, внутривенное введение наркотиков является причиной заражения ВИЧ инфекцией в 40-55% случаев в первой половине 2002 г. этот показатель составил 38,7% или 11,09 тыс. случаев.⁶ На 1 июля 2002 г. в России число ВИЧ-инфицированных составляло 207711 человек (из них с диагнозом СПИД – 190 человек). Из общего числа зарегистрированных умерли 2667 ВИЧ-инфицированных, в том числе с диагнозом СПИД умерли 547 человек.

* Смертность от внешних причин [Электронный ресурс] Электронная версия бюллетеня «Население и общество» – М, 2003 – Режим доступа URL <http://demoscope.ru/weekly/029/tema01.php>

¹ Смертность от болезней сердечно-сосудистой системы является ведущим фактором смертности в нашей стране по этому показателю Россия занимает первое место в мире

² Нужный В.П., Харченко В.И., Аюлюн А.С. Избыточное потребление алкоголя в России – весомый фактор риска болезней системы кровообращения и высокой смертности населения (обзор) // Терапевтический архив 1998 №10 С 63

³ См. об этом Аксель Е.М., Давыдов М.И. Статистика заболеваемости и смертности от злокачественных новообразований в 2000 году. Злокачественные новообразования в России и странах СНГ в 2000. М., 2002 С 85-106 а также Заридзе Д.Г. и др. Курение – основная причина высокой смертности россиян // Вестник РАМН 2002 №9 С 42

⁴ Смертность от рака органов дыхания [Электронный ресурс] / Web-Атлас «Окружающая среда и здоровье народа России» – М, 2003 – Режим доступа URL <http://www.sci.aha.ru/ATL/ra73j.htm>

⁵ Врублевский А.Г., Анохина И.П., Нужный В.П. Соматические последствия потребления психоактивных веществ. // Токсикологический вестник 1995 №4 С 3

⁶ Главный путь распространения ВИЧ в России – внутривенное употребление наркотиков [Электронный ресурс] / Электронная версия бюллетеня «Население и общество» – М, 2003 – Режим доступа URL <http://www.demoscope.ru/weekly/2002/089/tema04.php>

Один из показателей распространенности потребления психоактивных веществ - болезненность населения - свидетельствует о том, что в 2000 г. число состоящих под диспансерным наблюдением с диагнозом наркомания составило 269 064 человек, с диагнозом алкоголизм и алкогольные психозы – 2 190 852 человек, то есть популяция последних была в 8 раз больше.¹ В 2001-2002 гг. это соотношение составило 1/7. Другой показатель распространенности потребления психоактивных веществ - заболеваемость – показывает, что ежегодно за 1990-2001 гг. заболеваемость алкоголизмом и алкогольными психозами охватывала *значительно* большую, чем заболеваемость наркоманиями, часть населения. Если в 2000 г. впервые под диспансерное наблюдение с диагнозом наркомания было взято 73 271 человек, то с диагнозом алкоголизм и алкогольные психозы впервые было поставлено на учет 188 738 больных, т.е. в 2000 г. количество впервые выявленных больных заболеваниями, связанными с потреблением алкоголя, было в 2,6 раз больше количества впервые выявленных больных наркоманиями. В последующем этот разрыв увеличился: в 2001 г. соотношение было примерно равно 1/3, в 2002 г. число больных алкоголизмом и алкогольными психозами было уже в 8 раз большим.

Статистические данные свидетельствуют о том, что ежегодно примерно каждое четвертое преступление совершается в состоянии алкогольного опьянения; доля преступлений, совершенных в состоянии наркотического и токсического опьянения – каждое 111-е. Тяжкие и особо тяжкие преступления (убийство и покушение на убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, изнасилования и покушения на изнасилования) на 65-75% совершаются в состоянии алкогольного опьянения. Доля аналогичных преступлений, совершенных в состоянии наркотического и токсического опьянения в данной категории, варьирует в пределах 0,1-0,7%.

В среднем за последние пять лет в России на одного осужденного за хулиганство, совершенное в состоянии наркотического и токсического опьянения, приходилось 584 осужденных за хулиганство, совершенное в состоянии алкогольного опьянения. Количество осужденных за грабежи, совершенные в состоянии алкогольного опьянения, в 77 раз превосходит количество осужденных за грабежи, совершенные в состоянии наркотического и токсического опьянения. Соотношение осужденных, совершивших кражи равно 1/91 в пользу лиц, совершивших преступление в состоянии алкогольного опьянения.

Проведенный анализ свидетельствует о том, что наивысший вклад в заболеваемость, смертность населения, преступность - то есть в прямые потери населения - принадлежит потреблению алкоголя и табака, следовательно, риск, сопряженный с данными видами потребления является большим, чем риск, сопряженный с потреблением наркотиков.

В четвертом параграфе первой главы – «Оценка приемлемости риска потребления алкоголя, табака и наркотиков в России» - раскрывается существующий в российском обществе паттерн восприятия опасности и риска экспертами.

¹ Данные о показателях распространенности потребления психоактивных веществ приводятся по сборнику «Здоровье населения России и деятельность учреждений здравоохранения в 2001 году. Статистические материалы» – М., 2002 – 128 с

В качестве метода для такого анализа используется метод раскрытых предпочтений, позволяющий оценить приемлемость существующих в обществе рисков.

Полученные данные свидетельствуют о том, что уровень риска, сопряженного с потреблением табака и алкоголя, оценивается как более низкий: на государственном уровне не проводится специальных программ уменьшения потребления алкоголя и табака, отсутствуют разработанные социальные и правовые основы их организационного, финансового и научно-информационного обеспечения. В то же время государством финансируется реализация разветвленной системы противодействия и потреблению наркотиков и его профилактики. Отсюда становится очевидным, что экспертные оценки опасности, представляемой потреблением этих психоактивных веществ, не предопределены величиной и вероятностью наносимого ими ущерба, рассчитываемого через показатели сопряженных с потреблением популяционных потерь. Соответственно предположение об обусловленности экспертных оценок риска, предваряющих формирование направлений государственной политики, научной рациональностью следует признать несостоятельным. Делается вывод о том, что ответ на вопрос о логике экспертной оценки нельзя получить, исходя из анализа объективных свидетельств вредоносности того или иного обстоятельства. Следовательно, исследование экспертных оценок риска требует отказа от объективистской парадигмы социологического анализа и перехода на иные методологические основания.

Во второй главе – **«Теоретико-методологические основания анализа экспертного знания о риске»** – обосновывается применимость теории и методологии социального конструктивизма к исследуемой проблеме социальных представлений о риске и опасности.

В первом параграфе – **«Методологические основания социального конструктивизма»** – анализируется совокупность теорий конструктивистского толка в социологии, выделяются ключевые концепции, повлиявшие на становление данного подхода, показывается, каким образом через призму теоретических положений, вводимых авторами данного направления, могут быть раскрыты механизмы участия экспертного знания в поддержании символического порядка в обществе.

Характерной чертой подхода социального конструктивизма является внимание к целому контексту взаимодействия, или сети властных взаимоотношений, в которых обнаруживает себя анализируемый социальный феномен. При этом роль механизма воспроизведения устойчивости данного социального феномена принадлежит когнитивным структурам осмысления и описания действительности, которые применяются представителями разнообразных социальных институтов в ходе множества их взаимодействий. Базовые концепции, сформировавшие основу подхода социального конструктивизма, разрабатывали разные модели процесса создания системы представлений о реальности.

П.Бурдьё в предложенной им теории поддержания социального порядка показывает, что в борьбе за навязывание легитимного видения социального мира (за «монополию легитимной номинации») наибольшим объемом символической власти – то есть возможности определять реальность – располагают представители различных профессиональных сообществ. Это происходит в силу того, что

они располагают особым статусом, складывающимся из авторитета науки, усиленного бюрократическим авторитетом.

Концепция дискурса М.Фуко раскрывает связь, существующую между практиками власти и формами знания. Дискурс может быть определен как практика доминирования определенных эпистемологических и онтологических положений, свойственных эпохе. Дискурсы социальных явлений устанавливают определенный «режим истины» в обсуждении социальных явлений – то есть они задают диапазон того, что представляется возможным и допустимым в рассматриваемых обстоятельствах. В свою очередь, принятое в обществе знание участвует в воспроизведении существующего символического порядка, поскольку, будучи воплощенным в практике, оно репродуцирует широкую систему социальных различий и социальных иерархий. Поэтому внедрение легитимного знания о социальной реальности всегда является предметом *политической* борьбы.

Аналогичный вывод содержится в концепции легитимации социального устройства в рамках теории конструирования социальной реальности, предложенной П.Бергером и Т.Лукманом. Социальная значимость совокупности легитимаций существующего социального устройства состоит в том, что они обеспечивают защиту и воспроизведение множества повседневных ролей, социальных приоритетов и действующих правил, т.е. обеспечивают сохранность символического универсума. В этом отношении все легитимации могут считаться механизмами поддержания определенного институционального устройства.

Перечисленные социально-философские концепции согласуются с теоретическими представлениями современной социологии знания, подчеркивающими зависимость вырабатываемых наукой представлений об объектах от операциональных структур, мировоззренческих факторов и ценностей соответствующей исторической эпохи.

Во втором параграфе второй главы – «Экспертное знание о рисках как знание о социальных проблемах» – раскрывается значение возникновения общественно признаваемых опасностей для идентификации и обличения неприемлемых социальных деформаций с точки зрения конструктивистской теории социальных проблем. Для этого излагаются основополагающие принципы подхода умеренного (контекстуального) конструктивизма и культурной теории риска М. Дуглас к исследованию реакции социальных институтов на проблематичные, связанные с риском обстоятельства в жизни общества.

Дуглас показывает, что нормативный компонент в суждении о риске – осуществляется оно представителем некоего профессионального сообщества или несведущим человеком – складывается под воздействием совокупности культурных представлений оценивающего индивида, которые формируют своеобразную «систему отсчета» для последующих оценок. Все, что соответствует основным паттернам социальных отношений социальной группы, к которой принадлежит индивид, на уровне культуры признается *естественным*. Те события и действия, которые выходят за границы естественного и нормального для данного сообщества, признаются опасными и угрожающими.

Процесс общественного приписывания качества опасности событиям/видам деятельности, при котором определение риска становится техникой

привлечения внимания к нарушениям в социальной структуре с точки зрения «правильного» социального устройства. получил название «судебной модели опасности» (*forensic model of danger*).

Взгляд культурной теории риска сближается с конструктивистским толкованием социальных проблем в понимании динамического и интерактивного характера оцениваемых опасностей и во внимании к социокультурному контексту возникновения представлений о риске. Хотя обе теории признают наличие множества вредоносных условий в социальном мире в любой момент времени, они подчеркивают избирательный характер определения проблематичных обстоятельств: осмысление опасностей всегда соотносится с силой и направленностью социальной критики.

В данном параграфе был также представлен ряд концепций конструктивистской теории социальных проблем, раскрывающих механизмы участия социальных, культурных и политических факторов в формировании экспертного знания о проблематичных и требующих государственного вмешательства социальных обстоятельствах.

В третьем параграфе второй главы – «Роль знания о социальных проблемах в системе социальных отношений (подход структурного функционализма и теории конфликта)» - описывается и систематизируется несколько концепций в рамках теоретических подходов макросоциологии к объяснению логики возникновения общественно признаваемых опасностей в социальном пространстве.

Нами были описаны ведущие факторы, которые направляют общественное внимание на те или иные стороны социальной действительности и, в конечном итоге, обнаруживают себя в оценке наиболее серьезных опасностей и рисков общественного устройства.

Согласно теории функционализма (О.Дюркгейм, Дж.Мид, Л.Козер, К.Эриксон, П.Лодердейл, Дж.Инверарити), озабоченность социальными условиями производится широкими общественными слоями, доминирующим мотивом действий которых является защита социальных ценностей и общественной морали. Признание некоторых социальных обстоятельств проблематичными действует как устройство по поддержанию культурных границ общества, указывая, где пролегает граница между поведением, принадлежащим специфическому социальному пространству группы, и не принадлежащим ему, и усиливая символическую связь внутри конвенционального сообщества.

Одна из теоретиков неофункционализма – М. Дуглас – утверждает, что тип потенциально опасных обстоятельств, привлекающих общественное внимание, жестко зависит от характера институциональной структуры, к которой принадлежат оценивающие субъекты, и ее основных институциональных ценностей. В рамках культурной теории риска выделяются три основных разновидности институциональных структур в соответствии с формой их организации: организации и институты, сконструированные относительно долговременных целей (организации политического центра: иерархии и рынки) и организации, рассчитанные на узкий временной диапазон (организации политической границы – секты). Поскольку само существование секты как политической единицы становится возможным только в результате противопоставления себя одной из организован-

ных форм политического центра, организации политической границы приобретают свою политическую значимость через акцентирование всех потенциальных опасностей, связанных с деятельностью центральных институтов, каким бы отсроченным ни казался их эффект или ничтожно малой вероятностью.

С точки зрения теории конфликта (К.Маркс, А.Лиазос, Р.Квинни, С.Спитцер, А.Лиска, В.Чемблисс, П.Сейдман, О.Турк) заявленное и институционализированное беспокойство о некоторых социальных обстоятельствах – это всегда реализация власти и воплощение политических интересов наиболее влиятельных общественных групп.

Разнообразные инициативы социального контроля являются мерами, направленными не против объективно существующей опасности для населения, сопряженной с преследуемыми группами и осуществляемыми ими действиями, но против *воспринимаемой* угрозы интересам политической элиты общества (Лиска), от которой напрямую зависит размер организаций по контролю преступности и масштабность осуществляемого социального контроля. Вероятность ужесточения социального контроля над некоторыми формами поведения возрастает (1) при углублении экономического неравенства в обществе: объектом социального контроля становятся беднейшие слои населения (Чемблисс, Сейдман); (2) при усилении размежевания между культурным большинством, из которого рекрутируются агенты социального контроля и культурным (расовым) меньшинством, которое становится объектом преследования в соответствии с предписаниями вновь принятых законов (Турк, Спитцер), (3) при переходе социального престижа от одних социокультурных, этнических, религиозных групп к другим в результате определенных исторических изменений и развитии вследствие этого статусного конфликта между этими группами (статусная теория девиации Гасфилда), (4) при возникновении необходимости подтвердить социальную значимость и профессиональную состоятельность «бюрократий среднего уровня» – политических ассоциаций и религиозных групп, профессиональных организаций, образовательных учреждений (теория моральных паник Козна и Гуда).

Теоретики конфликта подчеркивают, что производимая под воздействием этих причин стигматизация и криминализация поведенческих практик отдельных социальных групп способствует расширению первоначальной девиации и углублению социальной проблемы.

В третьей главе – «**Экспертное знание о риске в контексте трансформации российского общества**» – производится теоретический анализ современной ситуации выбора рисков экспертным сообществом в России и эмпирическое исследование оценок риска экспертами ведущих социальных институтов г. Владивостока.

В первом параграфе третьей главы – «**Особенности выбора рисков в современной России: общесоциологическое описание современной ситуации**» – проводится концептуальный анализ ситуации с теоретических позиций неофункционализма, выявляются социальные факторы, повлиявшие на возникновение социальной проблемы потребления психоактивных веществ в российском обществе.

В параграфе показано, что наркопотребление как особая социальная проблема обозначилась в определенный исторический момент времени под влиянием ряда социальных обстоятельств, ставших следствием произошедшего в обществе социально-экономического и политического кризиса, и последовавшего за этим состояния аномии. Выделение одной из поведенческих практик, ассоциирующихся с изменением доминирующей культуры, акцентуация сопряженных с ней опасностей, сыграли роль тактики восстановления символического доминирования традиционного образа жизни. Потребление наркотиков как морально осуждаемая предотвратимая опасность стало использоваться в качестве культурной арены для противопоставления приемлемых и неприемлемых типов социального устройства, моделей поведения и соответствующих им систем ценностей.

При этом привлечение идеи опасности способствовало повышению политической значимости и социального статуса некоторых групп политической периферии. Стремление обезопасить себя дало мощный заряд общественной консолидации и подготовило коллективное выражение тех чувств, которые, в итоге, оказались основным источником группового единства. Четкое определение общественной опасности, в конечном счете, активизировало адаптационные процессы в аномическом обществе.

Проведенный теоретический анализ позволил построить концептуальную модель суждения об опасности и оценки риска на примере оценки риска потребления алкоголя, табака и наркотиков (рис. 1 на С.19).

Согласно представленной модели, суждение об опасности и оценка риска могут формироваться двумя взаимоисключающими способами: в рамках научной аналитической парадигмы с использованием принципов научной рациональности или в рамках социальной аналитической парадигмы с использованием принципов социальной рациональности.

Суждение о риске на основе научной рациональности предполагает определение вероятности наступления некоторого неблагоприятного события и его масштаба. Те факторы, действие которых связано с возникновением наибольших популяционных потерь, считаются наиболее рискованными, и уровень риска в данном случае выступает синонимом уровня смертности, сопряженного с действием этих факторов. При этом представление об уровне такой смертности может быть как корректным, так и некорректным – в обоих случаях суждение об уровне опасности базируется на анализе количественных характеристик рассматриваемых факторов риска.

С другой стороны, суждение о риске на основе социальной рациональности совершается при помощи соотнесения поведенческого контекста, в котором обнаруживают себя определенные практики, оцениваемые в качестве факторов риска, с предпочитаемыми паттернами социальных отношений, заданными типом институциональной структуры, к которой принадлежит индивид.

Оценка качественных характеристик в данном случае осуществляется «постфактум», она завершает процесс суждения о риске и дает обоснование сделанному выбору: факторы, которые определены как «опасные» или «безопасные», получают ярлыки различных качественных особенностей. При оценке

риска в соответствии с принципами социальной рациональности количественные характеристики факторов риска не принимаются в расчет: даже если индивид знает об уровне смертности, который связан с действием того или иного фактора риска, он полагает, что смерть от определенных причин является «худшей» и оттого более весомой, чем от других причин.

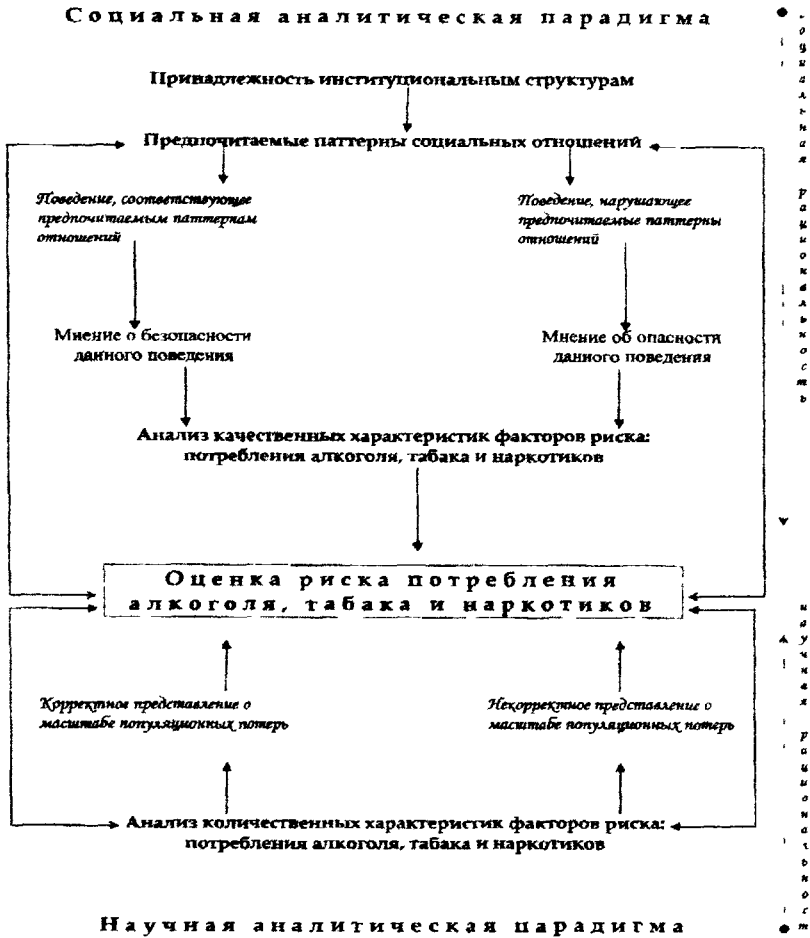

Рис. 1 Концептуальная модель суждения об опасности потребления алкоголя, табака и наркотиков.

Во втором параграфе третьей главы - «Эмпирическое исследование экспертных оценок риска потребления алкоголя, табака и наркотиков (на материале опроса экспертов, проведенного в г. Владивостоке)» - описывается предпринятое соискателем исследование оценок риска экспертов ведущих социальных институтов г. Владивостока.

В качестве *объекта* эмпирического исследования выступили представители социальных институтов, профессионально действующих в сфере выявления ведущих социальных проблем и формирующих социальное знание относительно риска потребления алкоголя, табака и наркотиков (представители правоохранительных органов, различных социальных служб, систем здравоохранения и образования). *Предмет* исследования – мнения представителей данных социальных институтов г. Владивостока о риске для населения России, сопряженном с потреблением алкоголя, табака и наркотиков.

Цель исследования заключалась в выявлении представлений экспертов г. Владивостока о риске, связанном с потреблением алкоголя, табака и наркотиков для населения России, и определении ведущих факторов и механизмов производимой оценки риска. Цель конкретизировалась посредством ряда задач, в соответствии с которыми были сформулированы гипотезы. В качестве *методов* сбора информации были использованы анкетный опрос и метод интервью. В исследовании выдвигались две основные *гипотезы*: (1) оценка экспертами риска потребления алкоголя, табака и наркотиков осуществляется на основе принципов социальной, а не научной рациональности; (2) представление об опасности и оценка риска потребления алкоголя, табака и наркотиков, осуществляемая экспертом, обусловлена его культурной ориентацией.

В рамках тестирования первой основной гипотезы анализ полученных ответов показал: эксперты рассматривают риск потребления наркотиков как наиболее высокий, и риск потребления табака – как наиболее низкий из трех. При этом только часть экспертов, ответивших на вопрос о величине риска этих факторов, полагают принципиально возможной приблизительную оценку смертности, связанной с их действием. Из них абсолютное большинство корректно оценивает пропорциональный вклад смертности, связанной с потреблением алкоголя, табака и наркотиков в общую смертность в популяции. Это эмпирически подтверждает, что экспертные суждения о риске данных факторов не вытекают из оценки связанной с их действием смертности, следовательно, они не обусловлены научной рациональностью. Исключение представляет обнаруженная корреляция между оценкой риска потребления табака и представлениями о зависимости от потребления табака смертности: воспринимаемый низкий риск потребления табака согласуется с представлением о низкой смертности, связанной с ним. С учетом других полученных результатов наиболее последовательным и непротиворечивым объяснением представляется признание использования экспертами принципов социальной рациональности в суждении о риске потребления табака и, соответственно, мнение о слабой выраженности иных связанных с ним неблагоприятных последствий, помимо смертности. Было показано, что наиболее устойчивым показателем оценки риска являются значения двух качественных характеристик фактора: первая - это «антиобщественное поведение, совершение агрессивных и насильственных действий» вследствие потребления психоактивного вещества, вторая - «утрата самоконтроля, формирование зависимости от вещества, невозможность отказа от потребления» (рис.2).

	Потребление наркотиков	Потребление алкоголя	Потребление табака
Среднее значение величины риска по 10-балльной шкале	9,6	9,2	7,4
Количественно оцениваемая смертность	—	—	,690**
Инвалидизация и смерть как предполагаемое неблагоприятное последствие	,328**	—	,526**
Антиобщественное поведение, совершение агрессивных и насильственных действий	,564**	,212*	,333**
Развитие потребности в потреблении более сильнодействующих веществ	,428**	—	,446**
Необратимые психические расстройства, разрушение личности человека	,482**	—	—
Моральная деградация	,473**	—	—
Утрата самоконтроля, формирование зависимости от вещества, невозможность отказа от потребления	,425**	,261*	,486**
Возможные генетические изменения, представляющие опасность для потомства	,322**	—	,746**

* - корреляция значима на уровне .05

** - корреляция значима на уровне .01

Рис. 2. Корреляция между показателями величины риска потребления алкоголя, табака и наркотиков и показателями оценки выраженности количественных и качественных характеристик этих факторов риска.*

При формировании второй основной гипотезы были использованы теоретические основания культурной теории риска. Так, в соответствии с принципами данной теории были сформулированы следующие базовые предположения:

1. В силу того, что иерархическая ориентация означает отсутствие чувствительности к опасностям, ассоциируемым с традиционным образом жизни центра общества, риск потребления табака, порожденный иерархически организованной социальной системой будет расцениваться как низкий. Вместе с тем, риск потребления алкоголя будет оцениваться как более значительный в том случае, если потребление алкоголя рассматривается как весомый фактор антиобщественного поведения, по причине того, что иерархическая ориентация означает высокую чувствительность к рискам нарушения субординации внутри группы.

2. Поскольку индивидуалистическая ориентация связана с политически центральной позицией, она сопряжена со слабой чувствительностью к рискам низкой вероятности в той мере, в которой их источником является социальное устройство, которому принадлежит индивид. Исходя из этого можно предположить, что индивидуалистическая ориентация респондента будет статистически значимо связана с более высокими оценками риска потребления алкоголя, и с относительно более низкими оценками риска потребления табака и наркотиков.

3. Вследствие того, что эгалитаристская ориентация означает, прежде всего, склонность с предубеждением относиться к надежности и безопасности соци-

* При расчете меры связи между признаками был использован коэффициент ранговой корреляции Спирмена

альных обстоятельств, ассоциируемых с характерными для центра общества практиками, эгалитаристская ориентация индивида будет связана с акцентированием всех потенциальных опасностей, связанных с деятельностью центральных институтов. Так, можно предположить, что чем более выражена эгалитаристская ориентация индивида, тем выше производимая им оценка риска потребления наркотиков, табака и алкоголя.

После определения относительной представленности среди опрашиваемых различных культурных предубеждений т.е. культурной принадлежности респондента, были проверены и подтверждены все сформулированные на основе культурной модели риска предположения.¹

Было показано, что культурная ориентация влияет на представления экспертов о факторах, способствовавших обострению социальной проблемы потребления психоактивных веществ в российском обществе: в то время как респонденты с доминирующей эгалитаристской ориентацией склонны винить в этом социально-экономический кризис в России конца XX в., иерархически ориентированные респонденты в качестве такого фактора называют слабость существующей системы социального контроля.

Отношение к текущей политике противодействия потреблению населением данных психоактивных веществ также в значительной степени предопределено культурной ориентацией индивида: было обнаружено, что чем сильнее иерархическая ориентация респондента, тем более он склонен рассматривать антитабачную политику как достаточную. В противоположность этому эгалитаристская ориентация была статистически значимо связана с мнением о недостаточности антитабачной политики государства. Таким образом, полученные в ходе эмпирического исследования данные убедительно свидетельствуют в пользу культурной теории выбора риска.

В заключении на основе диссертационного исследования были сформулированы следующие выводы:

1. Традиционно было принято считать, что в основе понимания наибольших опасностей, представленных в социуме лежит мышление в рамках научной аналитической парадигмы, которое заключается в сопоставлении популяционных потерь, связанных с действием разных факторов риска. Более современные исследования доказывают, что как эксперты, формирующие «сознание риска» в обществе, так и публика, склонны к суждению о рисках в рамках социальной аналитической парадигмы – через определение качественных характеристик факторов риска.

2. При сопоставлении ряда показателей потребления рассматриваемых психоактивных веществ населением России было установлено, что масштаб популяционных потерь, связанных с потреблением табака и, в особенности, с потреблением алкоголя, значительно превосходит таковой в случае потребления наркотиков.

¹ Вместе с тем оказалась затрудненной проверка предположения о наличии корреляции между эгалитаристской ориентацией индивида и высокими оценками риска потребления наркотиков. Причиной этому послужило то обстоятельство, что 92% респондентов считают такой риск максимальным, что делает недискриминативным этот показатель.

3. Анализ государственной политики в сфере обеспечения безопасности жизнедеятельности населения, показывает, что приоритет государственного, равно как и общественного, участия всецело отдается программам, нацеленным на противодействие наркотизации населения, что выражается в постоянном увеличении количества программ противодействия наркопотреблению, в повышении уровня финансирования и централизации реализующих их учреждений и ведомств. В то же время на федеральном уровне не предусмотрено финансирования целевых программ, направленных на уменьшение потребления алкоголя и табака на основе комплексного подхода к решению проблемы.

4. Подход социального конструктивизма позволяет наиболее последовательно и непротиворечиво объяснить направленность внимания социальных институтов на факторы объективно меньшего риска вместе с одновременным игнорированием более вредоносных обстоятельств. Конституирующей особенностью подхода социального конструктивизма является переключение исследовательского интереса на анализ социального, культурного, политического контекста взаимодействия и сети взаимоотношений, в котором обнаруживает себя социально-политическая реакция экспертов - представителей различных институциональных структур государства.

5. Появление общественно признаваемых опасностей и рисков является результатом комплексного воздействия разноуровневых социальных процессов, поэтому для изучения явления целесообразно привлекать как макроуровневые теории, описывающие структурные факторы, лежащие в основе определения риска и их связь с процессами социального изменения (культурная теория риска, теория моральных паник, теория статусной девиации), так и микроуровневые теории, раскрывающие механизмы формирования социальной проблемы через изучение поведения групп, взаимодействия социальных акторов в социальном процессе спора о значениях (конструктивистские теории социальных проблем).

6. Общественная обеспокоенность проблемой потребления наркотиков сформировалась в период 1994-1997 гг. как реакция на аномию, вызванную масштабной трансформацией социально-экономической и политической общественной системы. Выделение наркопотребления как особо значимой социальной проблемы и ведущего риска способствовало активизации адаптационных процессов в аномическом обществе.

7. Полученные в результате исследования данные свидетельствуют о том, что при оценке риска потребления алкоголя, табака и наркотиков эксперты руководствуются принципами социальной рациональности и производят оценку в рамках социальной аналитической парадигмы. Ключевым фактором, предопределяющим восприятие риска потребления психоактивных веществ, и предвещающим компетентное экспертное суждение о наличии или отсутствии связанной с этим социальной проблемы, является культурная принадлежность эксперта (иерархическая, индивидуалистская или эгалитаристская) - совокупность культурных предубеждений, в которой воплощены важные социальные ценности и верования, защищающие паттерны социальных отношений тех институциональных структур, которым он принадлежит.

**Основные положения диссертации отражены
в следующих публикациях:**

1. Теплоухова, О.В. Социологический ракурс: «преступление без жертв» / О.В.Теплоухова // Вестник ИППСР. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2003. – №1. – С. 73-75 (0,2 п.л.).
2. Теплоухова, О.В. Оценка риска негативных последствий при алкоголизме / О.В.Теплоухова // Современные аспекты терапии и профилактики нервно-психических расстройств: сборник материалов международной научно-практической конференции. - Владивосток: Дальнаука, 2003. – С. 109-111 (0,2 п.л.).
3. Теплоухова, О.В. Табакокурение среди молодежи как актуальная социальная проблема / О.В.Теплоухова // Перспективы высшего образования в малых городах: сборник материалов Четвертой международной научно-практической конференции. - Владивосток: Изд-во ДВГУ. 2002. – С. 68-70 (0,3 п.л.).
4. Теплоухова, О.В. Проблема самоопределения и потребление наркотиков в условиях современного общества риска / О.В.Теплоухова // Современное общество: запреты и вседозволенность: сборник материалов Межвузовской научно-практической конференции - СПб: Изд-во СПбГУ, 2003. – С.93-94 (0,1 п.л.).
5. Теплоухова, О.В. Проблема оценки и интерпретации статистических показателей наркотизма / О.В Теплоухова // Материалы научной конференции студентов и аспирантов ДВГУ. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2003. - С. 176-181 (0,3 п.л.).
6. Теплоухова, О.В. Наркотизм как статистическое явление / О.В.Теплоухова // Девиантность в социальном, литературном и культурном контексте: опыт мультидисциплинарного осмысления (сб. науч. ст.). – Минск: Юникап, 2004. – С. 42-53 (0,6 п.л.).
7. Теплоухова, О.В. Аналитические парадигмы суждения о риске (на примере потребления алкоголя, табака и наркотиков) / О.В Теплоухова // Рукопись депонирована в ИНИОН РАН № 58718 03.06.2004 (0,9 п.л.).
8. Теплоухова, О.В. Потребление алкоголя и наркотиков в теории социальных проблем. Подход социологии конструктивизма / О.В. Теплоухова // Рукопись депонирована в ИНИОН РАН № 58719 03.06.2004 (1,6 п.л.).
9. Теплоухова, О.В. Потребление алкоголя и насильственное поведение: социологический подход к исследованию взаимосвязи / О.В.Теплоухова // Актуальные проблемы экспериментальной, профилактической и клинической медицины: сборник материалов научно-практической конференции. - Владивосток: Изд-во ВГМУ, 2005. – С.23-24 (0,1 п.л.).

Теплоухова Ольга Вячеславовна

ЭКСПЕРТНЫЕ СУЖДЕНИЯ О РИСКЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ
АЛКОГОЛЯ, ТАБАКА И НАРКОТИКОВ В КОНТЕКСТЕ
ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

Автореферат

Подписано в печать 21.11.2005. Формат 60х84/16.

Усл.печ.л. 1,4. Уч.-изд.л. 1,4.

Тираж 100 экз.

Издательство Дальневосточного государственного университета
690950, г. Владивосток, ул. Октябрьская, 27

Отпечатано на множительном участке
Института международного туризма и гостеприимства
690001, г. Владивосток, ул. Экипажная, 18

РНБ Русский фонд

2007-4

581

Российская государственная библиотека
им. М.В. Ломоносова

29 ДЕК 2005